

СТАНИСЛАВ МАЛЬЦЕВ

Золотой унитаз

Станислав Мальцев

Золотой унитаз

«Издательские решения»

Мальцев С.

Золотой унитаз / С. Мальцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837123-3

Тяжёлая проблема навалилась на семью Типкиных — дочь Клеопатра, она же Катька, — рвётся в Москву, встрять там в шоу-бизнес любым путём, даже через постель. Отец Рауль — Руль — и мать Ева — Евлампия — хотят её скорее выдать замуж за любых придурков, чтобы осталась. Всё равно в Москву она усвистала и в шоу-бизнес встряла. Но потом получилось всё совсем не так, как думала...

ISBN 978-5-44-837123-3

© Мальцев С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	11
4	12
5	14
6	16
7	19
8	21
9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Золотой унитаз

Станислав Мальцев

*Тупкин Руль Лукич – просто охламон,
Ев Сидрна – большой командир,
Клео – уписаться можно, и другие. Юмористическая, и даже
почти сатирическая, повесть*

© Станислав Мальцев, 2017

ISBN 978-5-4483-7123-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Рауль Лукич Типкин сладко спал-дрях на диване, подложив руку под пухлую, упитанную щёчку и тихонько, мирно посапывал. И видел прекрасно-чудесный сон: сидит он за богато накрытым столом и режет большой и сочный, только что поджаренный, бифштекс. Подцепил вилкой кусок побольше, зачмокал от предвкушения немедленного и полнейшего удовольствия, и, даже где-то, счастья...

Пока – чмокал и пускал слюни, дверь открылась, в комнату вошла женщина, двинулась к висевшему на стуле его костюму, с ловкостью бывалого карманника начала обшаривать не только все карманы, но и подкладку пиджака и нижние части брюк.

Конечно же это был никакой не вор, мастер по чужим карманам, а его нежно любимая супруга Ева Сидоровна. Она искала у своего дорогого и единственного мужа заначку.

Типкин трудился швейцаром в ресторане, возвращался домой поздно, чаевые выкладывал на стол в кухне, переодевался в жёлто-полосатую пижаму и заваливался спать до обеда. Она не могла и мысли допустить, что муж оставлял себе заначку, твердо знала, такого быть просто не может. Но найти её не могла, как ни старалась.

И права, права была, Ева Сидоровна, как всегда! Была у него заначка! Прятал её в самом надёжном месте – какой-то старой, всеми забытой книжке без обложки и названия, валялась на дне шкафа. Ни сам Типкин, ни жена, ни дочь Клео никаких книжек не читали, родителям их заменял ящик, а дочке – музыкальный аппарат под названием плеер, страшное изобретение.

Значку Типкин делал ни с целью создания первичного капитала, всё было проще – супруга ежедневно деньги давала на одну бутылку пива с пророческими словами:

– Будешь много пива сосать, пузо лопнет!

А он скорее бежал в магазин и покупал пять бутылок, сосал их целый день и был на вершине блаженства, всегда в прекрасном настроении. Ящик у них стоял в спальне, ложились в кровать его смотреть и Типкин засыпал сразу, как только там кого-то убивали, а Ева Сидоровна через пять минут после, – кто первым просыпался ночью для дохода в сортир, тот его и выключал. Но такие развлечения были только тогда, когда у швейцара наблюдался выходной день. В другие же дни Ева Сидоровна ложилась в постель одна и глядела ящик не пять, а целых десять минут.

Так вот, в очередной раз не сумев разоблачить коварного значника, Ева Сидоровна рывком широко раздвинула шторы и закричала громко, как гудок электропоезда, но не простой, обычной электрички, а могучего состава, несущегося до стальной магистрали без остановок, от его сигнала вымершие когда-то динозавры могли ожить и подняться во весь свой немаленький рост. Она ласково произнесла:

– Типкин, охламон! Всё дрыхнешь! Вставай жив-ва, чертило! – и нежно добавила: – Али не слышишь? Оглух? Сёдня столько делов! Не до спанья! Быстро поднимай задницу!

Рауль Лукич только перевернулся на другой бочек, натянул одеяло на голову и зажмурился – хотел увидеть, как кусок мяса попадёт в рот, ощутить его божественный вкус...

Но не тут-то было! Жена, в отличие от мужа, была женщиной решительной, закалённой в житейских боях – сразу мигом стащила с него одеяло.

– Подымайся моментом! Скоро Маргоша явится, жениха на поглядки приволокёт! Одевайся соответственно, я тебе напрокат пинджак с хвостом взяла, – она отвернулась открыть шкаф, Типкин сразу воспользовался этим, вскочил с дивана, подтянул пижамные брюки и ско-

рее дёрнул в соседнюю кухню. Там вынул из кармана маленькую дудочку, и заиграл какую-то грустную мелодию, вроде похоронного марша о несбывшемся кусочке жареного мяса.

Ева Сидоровна, – настоящее имя было Евлампия, но она страшно обижалась, когда кто-то по незнанию, а разные злыдни нарочно, называли её так, – достала из шкафа фрак, бережно повесила на спинку стула, оглянулась и увидела мужа нет.

– Куды сбега? Опять свою дуду завёл? А ну, вертайся!

Типкин, в ответ мигом залез под кухонный столик и продолжал играть. Пришлось Еве Сидоровне самой войти в кухню, там она довольно ощутимо пнула мужа в высунутую из-под стола ногу и опять закричала:

– Совсем с ума сдвинулся, чертило полулысый! Отберу и разломаю!

Делать нечего, Типкин неспеша поднялся, спрятал дудочку в карман пижамной куртки.

– Сколько раз я тебе говорил: не чертило, а чертёжник! Чертёжник! Большая разница! Спать хочу, а ты! Ночь была тяжёлая...

– Перебьётся! Идём одеваться! – перебила Ева Сидоровна, – а то не успеем, жених припрётся. – Вытащила его за руку в комнату. Там сняла фрак со спинки стула, сдёрнула с мужа пижамную куртку.

– Надевай!

За много лет семейной жизни он хорошо усвоил, спорить с ней себе дороже. Безропотно надел фрак, встал перед женой, насмешливо улыбаясь.

– Повернись! – раздалась команда.

Типкин повернулся.

– Кругом! – раздалось снова, повернулся опять, но Ева Сидоровна нахмурясь глядела на него.

– Нет, чё-то не того... Сымай штаны!

Он даже руками на неё замахал.

– Не буду! Не шутей!

Жена не стала тратить время на разговоры, толкнула мужа в кресло и мигом сдёрнула и пижамные брюки, тот скорее встал, подтянул длинные, пёстрые трусы.

– Велики малость, спадают... Отдай штаны!

Вместо ответа кинула их на стул, сказала задумчиво-негромко:

– Ништо! Велики не малы, хозяйство не выпадет. Че-то обратно не то... Галстука же нету! – быстро достала из шкафа галстук-бабочку, нацепила мужу на шею. – Вот! Совсем другой коленкор! На человека стал похож!

Типкин снова подтянул трусы, произнёс жалобно:

– Отдай штаны! Пожалуйста!

– Ладно, так и быть, уважу. Носи пока, а перед женихом вот эти чёрные брючата наденешь, – и показала на висящие на спинке другого стула узкие чёрные брюки.

Рауль Лукич быстро натянул пижамные штаны и, ободрённый своей хоть и маленькой, но победой, произнёс почти решительно:

– Послухай меня, есть сурьезный разговор!

Жена очень удивлённо поглядела на него.

– Ну! Телись быстрее!

– Я против!

– Чаво? Чаво ты сказал?

– Против! Не хочет Клео замуж! – продолжал Рауль Лукич уже не так громко и совсем нерешительно. – Она...

– Не ори, как голодный верблюд в пустыне! – оборвала Ева Сидоровна. – Не понял, она ведь в Москву целится ехать, на эту самую фабрику звёзд, петъ в ящике!

– Пушай едет!

– Там её и ждут! Так звезданут и зафабричат, на карачках домой приползёт! А у жениха два магазина, да мой рядом. Наберу кредитов в разных банках, пристрой сделаю, потом объединимся и будет полный гипер-супер-маркет!

Типкин с большим сомнением глядел на неё.

– Кредитов хватаете... Их ведь отдавать надо...

Ну что с ним говорить! Ева Сидоровна только усмехнулась.

– Обрато лучше молчи, раз ничё не соображать! Главное – взять! А там видно будет! Сиди и не фырчи! Я пошла в кухню!

Сказала и исчезла, а Типкин опустился в кресло и задумался, в голове у него бродили разные мысли, совсем невесёлые...

2

Рауль Лукич имел необычное имя потому, что его мамаша была большая любительница приключенческих романов Дюма и, не обращая внимания на возражения мужа, назвала так красиво сына. От такого имени маленький Типкин имел большие неприятности, да и сейчас его звали ни каким-то Раулем, а просто Рулём. Руль Лукич – и всё! Он привык не обращать внимания, тем более это, случалось нечасто, обращались к нему только до фамилии.

Окончив восемь классов учиться дальше в школе не захотел, поступил в машиностроительный техникум, там конкурса не было и давали стипендию. Потом распределился на небольшой завод и много лет спокойно трудился в техотделе. Когда завод закрылся и в бывших цехах мгновенно возник огромный магазин, пошёл в ресторан швейцаром. Пошёл неточно сказано сначала вручил администратору пухлый конвертик и получил приказ: отдавать ему же половину чаевых. И никакую зарплату в глаза не видел, только расписывался в ведомости.

Зато выдали ему красивую, как у генерала, форму с золотыми нашивками на всех местах, и поставили у дверей – открывать-закрывать, а главное, принимать от гостей плащи и пальто, а потом и надевать на них. И не просто, а нежно и ласково, чтобы получить с каждого заслуженные чаевые.

К своим почти пятидесяти годам, Типкин был человеком не слишком полным, но и не худым, не высоким, но и не каким-то коротышкой, сохранил почти все волосы, хотя лысинка уже намечалась.

Жил Рауль Лукич спокойно, сегодняшним днём, не задумывался о завтрашнем, надеялся, всё будет так всегда. А супруга его была даже похожа на мужа; тоже невысокая, и умеренно полноватая. Познакомились: в том же техотделе – сидела за соседним столом милая девушка, – что-то считала и писала. Дело пошло у них быстро, скоро у Евы округлился животик, и они двинулись, как и положено, в ЗАГС.

Характер у молодой жены оказался решительным и жёстким, после первых же небольших стычек муж зарёкся спорить с ней – себе дороже. Когда началась свободная торговля Ева Сидоровна поднабрала в разных местах денег, взяла в аренду маленький магазинчик, и теперь все её интересы были сосредоточены там.

А вот их дочь, Клео-Клеопатра, получилась ни в мать, ни в отца: высокая, стройная, строго соблюдала все диеты – утром только чашка кофе. Как говорил отец:

– Сплошная дохлятина! – а мать уточняла:

– У ты и подержаться-то не за чё!

Главным богатством Клео были ножки, достаточно длинные сами по себе, она старалась их ещё удлинить. Носила коротенькие брючки в обтяжку, или же разноцветные штанишки-шортики ниже пупа. И туфли – на высоченном каблуке, и даже дома тапочки тоже с каблучками, правда, не такими высокими.

Длинные, светлые волосы лежали на плечах, очаровательные большие, чуть голубенькие, глазки, носик прямой, умеренно-милый курносенький, а вот рот казался маловатым, губки вроде узенькие, хотя на самом деле и рот, и губы были совершенно нормальными. Начала было красить их – ярко-красной помадой, но один из парней насмешливо спросил: «Ты чё? Сырое мясо ела?» И сразу поменяла помаду – выбрала скромную, бледно розовую, и получилась отлично. Ротик стал первый сорт!

Училась Клео в школе без всякого желания, ехала на троечках, четвёрки были редкими гостями. Так по всем предметам, кроме английского языка – там всегда были пятёрки. У нее вдруг обнаружили к нему большие способности – легко запоминала слова, читала свободно и отличным произношением. Учительница только удивлялась и ахала, советовала заниматься ещё больше и готовиться к поступлению в университет, на языковой факультет. Рекомендовала

её для участия в областной олимпиаде школьников, говорила, что займет там призовое место. Куда там! Это надо учиться ещё десять лет! Засмеялась и ни на какую олимпиаду не пошла.

Вместе с подружками по классу после девятого кинулась было в медицинское училище, но почти сразу же сбежала на курсы офис-менеджеров, так красиво теперь назывались секретарши, и устроилась в какую-то небольшую контору. В школе занималась в драматическом кружке, пела в хоре, и считала себя певицей не хуже тех, что видела каждый день по ящику, конечно, её поманила Москва, Типкин не возражал, но мать была против...

3

Эти невесёлые мысли Рауля Лукича вдруг перебила громкая, дикая музыка, да такая, что он даже вскочил кресла, распахнул дверь в соседнюю комнату и закричал?

– С ума сошла! Заткни свой патефон!

Музыка стихла, вошла Клео: короткие голубые брючки в обтяжку, тоже короткая, выше пупка, красная кофточка. А в самом пупке... В самом пупке Типкин с ужасом увидел вденутое кольцо! Смотрел на него, открыв рот от удивления, а Клео так и зашлась от смеха?

– Папан! Обалдеть! Ты сверху как аглицкий лорд, а снизу – беглый каторжник! Прикид клёвый! Уписаться можно!

Типкин немного опомнился.

– Чёкнулась совсем со своей музыкой! Ещё бы в нос кольцо воткнула. Чистый негр-людоед!

Клео продолжала так же весело?

– Завтра и вдену! Специально для тебя!

На шум-гам вошла Ева Сидоровна и сразу напала на мужа.

– Не ори на ребёнка! У неё трес!

– Какой ещё, нахрен, трес?

– Овощ, не трожь. Жениха ждёт, вот и трясёт её!

Клео фыркнула:

– Тии ха-ха! Ничё меня не трясёт! Еще из-за всякого дерьма трястись! Как бы!

Типкин поспешил убраться из комнаты, не хотел присутствовать при неизбежном споре-разговоре. Взял со стула пижамную курточку, строго, как мог, глянул на дочь.

– Громко заводишь свою музыку, уши повредишь, – и вышел.

А Ева Сидоровна продолжала всё своё, наболевшее.

– Брось дурью маяться! Москву какую-то придумала...

– А что? – сразу перебила Клео. – Прикажешь мне тут всю жизнь секретаршей сидеть? Бумажки перебирать да ждать, когда шеф трахнет?

Мать не стала спорить, знала бесполезно, только сказала-попросила:

– Готовься, пожалуйста, сей момент Маргоша жениха приволокет, оденься по-другому, попроще. Жених человек сурьёзный.

– Ха-ха! – снова засмеялась Клео – Всегда готова! Подмылась уже! Будет жених, типа встретим!

Ева Сидоровна пошла к двери, остановилась, оглянулась.

– Всё смешки строишь! Не торопись коза в лес – все волки там твои будут! – и ушла, дверь не хлопнула, но прикрыла её достаточно громко. Клео не обратила внимания ни на её слова и даже на то, что матери нет в комнате. Включила громко плеер, и под музыку начала небыстро плясать-приплясывать, петь что-то неразборчивое и непонятное. Так танцевала и пела минут пять, но вот раздался стук в дверь...

4

Клео остановилась, пригладила рукой волосы и весело сказала:

– Ага! Никак женишок прорезался! – крикнула громко – Эй, ты, заходи! Жду не дождусь!

Дверь открылась и на пороге появился совсем ещё молодой человек, точнее сказать – парень студенческого возраста. Через плечо у него висела большая, почти квадратная, сумка, в руке нес ещё одну, поменьше. А на шее болтались два фотоаппарата в черных футлярах. Клео с некоторым удивлением разглядывала его пару минут, потом спросила:

– Это ты жених? Чё-то на него не тянешь...

Парень опустил обе сумки на пол, улыбнулся немного робко.

– Что вы! Какой жених? Я фотохудожник.

Клео ничего не понимала и спросила опять:

– Откуда ты взялся?

Теперь уже удивился и парень.

– Как откуда? Вы же давали в газете объявление – приглашали фотографа. Это я и есть, фотохудожник высшего класса!

Она заулыбалась, всё стало понятно.

– Ты фотограф! Так бы сразу и сказал. Точно, давала объяву. Мне надо классные фотки сделать, и побольше. Чтобы все сразу упали кверху лапками. Тебя как зовут-то?

– Федя, – ответил фотохудожник и широко улыбнулся, Клео ему сразу понравилась.

– Это хрень, а не имя для тебя, будешь Теодором, фотомастер Теодор! Совсем другое кино! Звучит!

Теодор, бывший Федя, снова улыбнулся.

– Согласен! Сделаем фотосессию – тридцать снимков! Не просто фотографии, а произведения искусства!

– Клёво! – она даже хлопнула ладошками. – Фотосессия, это клёво!

– Но дорого.

– Шуруй живее, бабки не проблема!

Тот не стал спорить, вынул из футляров оба фотоаппарата, сказал серьёзно!

– Стойте прямо, ручки поднимите, сделайте весёлую улыбку, изобразите радость.

Послушно изобразила, высоко вскинула руки над головой, Теодор снимал её со всех сторон, даже лег на пол и снизу, сделал чуть ли не сотню снимков.

– Вы очень фотогеничны, просто премиум-классе! Пошлём эти снимки во все журналы. На обложку! Но надо сделать ещё и «ню».

Несмотря на то, что Клео считала себя девушкой, знающей всё, такое слово ей было незнакомо.

– Какую ещё нахрен «ню»? Зачем она? Снимай меня одну!

– «Ню» – это обнажённая натура.

– Голой, чё ли? – немного удивилась.

– Обязательно и непременно, без «ню» фотосессии не бывает.

Раздевайтесь быстро совсем, а я отвернусь.

– Не торопись вертеться, погляди сюда – сложила из пальчиков кукиш, дунула на него. – Видишь, какой красивый и большой. Фигу тебе, голышом сниматься не буду! – подумала и добавила. – Пока. Фотки свои предъявишь, и посмотрим.

Фотохудожник Теодор, он же просто Федя, только огорчённо вздохнул – привык к капризам своих клиентов.

– Тогда хотя бы в купальнике... Надо! В ваших же интересах!

Не стала спорить, в купальнике – пожалуйста, сколько угодно. Медленно стащила кофточку – нарочно не спешила, лифчик оказался узкой полоской, сверху наполовину открытый, такие специально покупала за небольшие денежки. Ладонками приподняла груди – крупные твердые яблоки, и с усмешкой взглянула на фотомастера, тот стоял столбом, только что не облизывался и слюни не пускал.

Тоже неторопясь стащила и брючки, трусишки узкие и маленькие, как плавки. И они, и лифчик, одинаково голубенькие с маленькими красными цветочками. Кинула всё на стул, снова взглянула на Федю-Теодора – тот всё так же глаз с неё не сводил. Была очень довольна собой – нравилось вот так заводить парней. Зачем это делала, сама не знала, просто так, для смеха, чтобы у них трусы трещали.

Теодор, он же Федя, глядел на всё это приоткрыв рот, Клео засмеялась.

– Ротик закрой – птичка какнет! Дальше чё? С тобой уписаться можно!

Следует сказать, что это выражение, совершенно безобидное и даже просто детское, было у неё любимым, употребляла его часто и как попало. И в школе, и в училище, и даже в конторе, её так и звали «Клео – уписаться можно».

Фотохудожник закрыл рот и схватился за камеру с длинным объективом.

– Ложитесь на диван, на бочок, верхнюю ножку чуть приподнять. Послушно легла и приподняла, трусики сразу спустились, почти полностью открыв то, что было под ними. Знала это и спросила ехидно:

– Увидел, че хотел? Больше тебе ничё не надо?

Федя-Теодор молча снимал и снимал, потом произнёс негромко и чуть хрипло:

– Теперь на спинку, и ножки раскинуть.

– Уписаться с тобой можно, – повторила, легла на спину и ноги раскинула во весь диван, проявила творческую инициативу, сложила руки под головой и приподняла грудь.

Вид лежащей перед ним почти голой девушки подействовал как удар кнута – фотограф мгновенно почувствовал сильнейшее сексуальное возбуждение и оно сразу же, словно по невидимым волнам, передалось и Клео, голова у нее закружилась. Глядела на большие, сильные руки и думала, что не только они у парня такие...

Как говорилось в прежние чудесные и неповторимые времена, Клео лишилась невинности ещё в школе, во время похода туристом по лесным просторам. Рюкзак за плечами, костёр, тушёнка на сковороде и, конечно, бутылки со слабо- и крепкоалкогольными напитками, иначе просто не бывает и быть не может никогда. Её партнёр оказался робким и неумелым и от первого секса она не получила никакого удовольствия. К тому же положил её прямо на сухие колючие сосновые шишки и спина вся была в маленьких ранках и долго болела.

Сексом Клео продолжала заниматься во время пребывания в медицинском училище и даже когда служила в конторе, но большой радости от него не имела, что было, конечно, странно...

Федя-Теодор на минутку оторвался от камеры.

– Ах, какая фотогеничная внешность! Какая божественная фигура! Снимал бы целый день! Я просто влюбился!

– Смотри, не уписься! – посоветовала фотомодель и тут...

5

Тут в дверь тихонько стукнули и, – как это у нас водится, – не дождавшись ответа вошли немолодая, пёстро одетая женщина с кроваво-красными губами на бледном лице, и молодой мужчина в новом, нарядном светло-сером костюме и даже красным галстуком.

Это были та самая Маргоша и жених, которого она приволокла, как говорила Ева Сидоровна.

Маргоша была помоложе Типкиной и без её полноты, подругами те, конечно, не являлись, в лучшем случае знакомыми. Ева Сидоровна использовала её для разных мелких дел по магазину – сделать заказы, проследить за погрузкой-выгрузкой товаров. Но к самой торговле, а, тем более, к деньгам – не допускала. Судила всех по себе – она бы обязательно прибрала что-то к рукам. За это – продавала ей продукты по закупочным ценам, то-есть намного дешевле, чем в магазине.

Вошедшие в комнату несколько неожиданно замерли у дверей, никак не ожидали увидеть такой фотографически-эротический пейзаж, и Маргоша негромко воскликнула:

– Ах! Пардон...

А мужчина в сером костюме не мог отвести глаз от Кяео, она медленно встала с дивана, подтянула трусишки, взяла со стула кофточку, накинула её.

– Просто уписаться можно... Ты чё вылупился? Голых баб никогда не видел? Шары выпадут!

Маргоша, наконец, опомнилась.

– Клеочка! Это Додик, жених...

Клео словно её не слышала, сказала замершему возле сумок фотохудожнику.

– Значит так, Теодор. Фотки будут готовы, приходи. И продолжим эту самую фотосессию..., – он сразу молча подхватил сумки и исчез. Клео повернулась к пришедшим.

– Додик, значит... Поглядим, что ты за Додик...

Тот ответил без улыбки;

– Уточняю, Давид.

– Один хрен... – она пристально разглядывала его. Маргоша поспешила внести ясность:

– Он так мечтал с тобой познакомиться, только об этом и говорил...

Не обращая внимания на её слова, Клео медленно обошла вокруг жениха, сказала негромко:

– Похоже, всё на месте... Пока... Штаны сзади без заплаток... Ладно, познакомиться, всегда пожалуйста... – и добавила уже громко: – Венерические болезни есть? Или были?

Маргоша так и ахнула:

– Клеочка! Ты что говоришь!

– То, что надо! Колись, жених!

Додик ответил серьёзно:

– Нет, и не было,

– А на спид давно проверялся?

– Недавно, всё чисто.

– Заметаешь следы... Молодец! А магазины у тебя какие? Барахольные? Шубы-сапоги?

– Ненадёжно, – сообщил тот всё так же без улыбки. – Продукты, хлеб, молоко, колбаса...

Люди хотят кушать каждый день.

– Это верно, – Клео продолжала его внимательно разглядывать.

И вдруг выдала: – Штаны, что ли, с тебя снять?

Маргоша потеряла дар речи, только широко открывала рот, как рыба на берегу, а Додик глазом не моргнул,

– Если хотите, пожалуйста, – и приготовился снимать пиджак, она его остановила.
– Погодь, пока не надо, всегда успеем. А машинка у тебя какая? Ту-ту..., – и покрутила руками, как будто рулём.

Жених оставил пиджак в покое.

– «Мерседес», новая модель.

– А почему не «Порше»?

– Всё впереди, будет и такая, – глазом не моргнул, похоже эта игра ему нравилась.

Клео замолчала, не знала, что ещё и сказать, тогда Додик произнёс всё так-же серьёзно:

– Клеопатра Раульевна...

Сразу перебила, резко и даже зло:

– Запомни раз и навсегда! Никаких отчеств! Ты меня еще Рульевой назови! Клео – и всё! Только так!

– Вас понял, – Додик кивнул. – Так вот, Клео, имею намерение с вами познакомиться поближе. Позвольте пригласить вас в ресторан...

Конечно, он и не думал всерьёз о женитьбе на ней. Эта сикушка-соплюшка ему сразу понравилась и увидел в ней лёгкую добычу, имел солидный опыт обращения с такими, хочет поиграть с ним, ну, что же, можно. Никуда птичке не деться.

Программа у него была отработана: ресторан – раз или два, – потом поездка за город на шашлычок на даче, а там и банька ждёт, и всё прочее...

Услышав про ресторан Клео обрадовалась.

– В кабак? Идём хоть сейчас! Кабаки я люблю! Пожрать и выпить от пуза! И поплясать-попрыгать, жир растрясти! – Она схватила брючки. – Штаны надену, и вперёд!

Додик улыбнулся, всё идёт по плану.

– Сейчас, к сожалению, не могу – товар должны привезти, вечером, сегодня же, я позвоню, посидим, поужинаем, винца хорошего выпьем... Ждите звоночек! Пока, до встречи!

Он ушёл, а Клео сразу набросилась на Маргошу, которая всё время сидела молча, глядела в оба глаза и слушала в оба уха.

– Нахрен ты его притащила! Ведь всем говорила, в Москву уеду!

– Жених завидный... – несмело возразила та. – Два больших магазина...

– В заднице я видела его магазины! – не унималась Клео. – Ладно! Сходим пару раз в рестораны, разведу лоха по полной программе, и до свиданья! Пишите письма до востребования! Мне бы только до Москвы добраться, да в шоу-бизнес встрять! Я этих толстозадых тёток подвину! Полетят с эстрады, как воробьи с навозной кучи!

Маргоша покачала головой, громко вздохнула.

– Он-ой-ой... Я читала... Там всё только за бабки, или через постель...

Клео ничуть не удивилась и не испугалась.

– Сама знаю! Через постель быстрее. Раз-раз – и на другой день уже поёшь в ящике. И пожалуйста! Я не против. Только как бы не ошибиться, под нужного лечь. Хорошо бы папика заловить, полную раскрутку сделает. Но трудно, нынче на всех желающих папиков не хватает...

6

А в это время Ева Сидоровна в своём магазинчике – маленьком, даже продавца не держала, сама со всем управлялась, – принимала товар. Торопливо пересчитывала коробки и ящики, старалась скорее вернуться домой, чтобы застать жениха. Чувствовала, что Клео он придётся не по вкусу. Повесила на стекло изнутри бумажку – перерыв по техническим причинам, закрыла дверь на два замка, и понеслась.

Ворвалась в квартиру, распахнула дверь – сидят только Маргоша и Клео, жениха нет. Спросила громко и требовательно:

– А где Додик? Не приходил?

Маргоша вскочила со стула.

– Был! Был и ушёл! Она его не хочет!

Не дожидаясь крика матери, Клео закричала первой:

– Нахрен он мне сдался с его засраными магазинами! Кобель старый!

Типкина на минуту опешила, потом опомнилась.

– Чё те надо, сама не знаешь! Мужик как мужик, всё при нём! Тебя ещё жареный петух в задницу не клевал!

От таких обидных, и несправедливых слов, Клео так и взвилась.

– Выходите сами за него! И спите с ним обе! Вместе или по очереди! – выдала пулемётной очередью и выскочила из комнаты. Мать поглядела ей вслед, покачала головой.

– Ну, девка... Не хочешь есть, ходи голодной, – уже привыкла к фокусам дочери, и обратилась к Маргоше. – Тогда давай, ищи другого.

Та задумалась, был, был у неё один на примете, но... Но имела на него определённые виды, а точнее говоря – состояла не так давно с ним в любовной связи. Правда, недолго, и до свадьбы дело не дошло, но надеялась на это, чем чёрт не шутит...

Однако надежда была весьма хлипкой, а хорошие отношения с Типкиной давали конкретный результат, и Маргоша решилась:

– Есть! Есть Ев Сидрна! Доцент!

Та очень удивилась.

– Это чё ещё за зверь такой?

– Преподаватель! Да не простой, а высшего сорта! – Зачастила Маргоша, но её перебили решительно и громко:

– Стой! Не тарахни! Куда ты понесло? Учительчишка! Там бабками и не пахнет!

– Пахнет, да ещё как! Не в школе, а в институте крутится, не только лекции читает, но и экзамены принимает!

Ева Сидорове обрадовалась – то, что надо!

– Совсем другое кино! Нынче чтобы дитё на бюджет пропихнуть, последние штаны сымешь! Живо волокит его сюды!

Маргоша выскочила из комнаты, а Типкина была всерьёз расстроена – лопнула её мечта о супер-гипер-магазине, но что делать, зачем после драки кулаками махать, надо действовать. И позвала:

– Доча! Подь сюда!

Клео хоть и не хотелось, но вышла, спросила неприветливо:

– Чё тебе ещё?

Ева Сидоровна заставила себя чуть улыбнуться.

– Додж этот тебе не глянулся, и ладно, наплевать на него. Сейчас Маргоша нового жениха притащит – доцента!

Никакие женихи Клео были не нужны, но, всё-таки, заинтересовалась.

– Какого доцента? Наверное, доцента.

– Один чёрт, в институте тусуется, к приёмной комиссии прислонённый, Мечта, а не жених!

Клео открыла было рот, чтобы высказаться насчет этого доцента-доцента, и вообще всех женихов, но раздалась негромкие, веселые звуки дудочки. Это Типкин уже успел малость подремать и проснулся от крика в очень неплохом настроении. Ева Сидоровна сразу выдала:

– Опять охламон свою дуду завёл! – и закричала-позвала: – Подь сюды, жив-ва!

Типкин вошёл, конечно, снял фрак, а черные брюки и не надевал, был всё в той же любимой старенькой полосатой пижаме.

– Чё стряслось? Пожар? Али наводнение?

Жена ласково взглянула на него, сказала нежно:

– Пошто хвостатый пинджак снял? За него деньги плочены! И чёрных брючат нету. Я тебе чё, велела? К жениху при полном параде явиться! Это из-за тебя Додик сбёг!

Клео вступилась за отца.

– Маман! Он не при чём! Хоть Папа Римский пришёл бы, я, всё равно, твоему Додику под жопу коленом!

Типкина решила не продолжать этот разговор – бесполезно, поезд уже ушёл. И произнесла более спокойно:

– Одевайся, как велела, и будь дома, Маргоша нового жениха приволокёт, встретить и привет. А за этой следи, чё бы не фордыбачила. Новый жених – первый сорт!

– Следи, следи, – Клео усмехнулась. – Мне все твои придумки с женихами параллельно!

Ева Сидоровна сделала вид, что ничего не слышала, и продолжала:

– А я в сантехнику двину, постараюсь быстро обернуться, не пошла бы, да уже договорилась. А дело важнейшее! – ждала вопросов, что за дело такое, но собеседники молчали, тогда сказала сама: – Зачем туда, вжисть не угадаете!

Типкин не заставил себя ждать, сразу выступил.

– Знаю, знаю! Самолёт покупать!

Клео захохотала, громко и обидно.

– Папан! Прикольно! Уписаться можно!

– Вам всё смешки, – Ева Сидоровна покачала головой. – За золотым унитазом!

Муж и дочь смотрели на неё, приоткрыв от удивления рты, Рауль Лукич опомнился первым.

– Чё-то я плохо слышать стал... Повтори, пожалуйста.

И она с удовольствием повторила:

– За золотым унитазом! Будет у нас такой в сортире стоять! Блестеть и сверкать!

– Маман! Полный облом! – только и смогла сказать Клео.

А Ева Сидоровна продолжала свой рассказ:

– Была надьсь в одном дому, кругом блеск! Импорт! А в ванной и сортире – голые бабы!

– Бабы! Голые! – не выдержал Типкин. – Совсем, али частично?

– Ну, горе моё! Охламон! Фотки там такие висят большие! В полстены!

Клео тоже не могла не выступить.

– Зашибись – не сортир, а вернисаж! – и громко запела: – Ах, вернисаж! Ах, вернисаж! Какой портрет, какой пейзаж!

– Вернисаж, это точно, – согласилась с мей мать. – Заходишь туда, и всё у тебя поёт! Там главное углядела – золотой унитаз!

– Зачем такой? – спросил Типкин.

– Затем, что ты дурень! Ниче не соображаешь! С ним совсем другой настрой жизни!

– Писать в него точно нельзя, – съехидничала Клео. Но Ева Сидоровна этого не заметила.

– Можно! Очень даже замечательно! Сидишь на ём, а душа так и поёт!

Тут и Рауль Лукич малость добавил:

– Соловьём! Али какой другой птичкой?

Клео продолжала серьёзно, старалась не улыбаться.

– Что же она поёт? Какие-такие песни? Может, Битлз?

Ева Сидоровна всё-таки поняла, что над ней смеются, и сказала уже сердито:

– Сама ты Битлз! Убьюсь, а куплю! Ни у кого нет, а у меня – вот он! – но даже обида на мужа и дочь не могли испортить её торжества: – Будет, будет унитазик! Уже заказали мне его в этой... Как её... Жапане!

Клео не поняла, переспросила.

– Какой ещё жапане? Ты не путаешь?

– Так мне Иван Васильич, товаровед на базе, обещал.

– Это Япония! – догадалась Клео, А Типкин тихо пробормотал:

– Жапан... Кругом жапан...

Ева Сидоровна не слушала ни мужа, ни дочь, все её мысли и были там, на базе сантехники, и решительно скомандовала:

– Я уехала! Ежели этот доцент...

– Доцент, – поправила Клео.

– Молчи! Один чёрт! Без меня заявится, держите его за хобот, я приеду и сама разберусь, кого Маргоша подсунула. – Сказала и торопливо ушла. Несколько минут отец и дочь сидели молча, потом Клео фыркнула;

– Золотой унитаз! Что за фигня! Но интересно!

Типкин подошёл к окну. Недавно кончился дождь и на тротуарах стояли лужи, большие и маленькие, стоял и глядел на эти лужи, на проходящие редкие машины, на серое небо. О чём он думал?

Может быть о том, что ему скоро пятьдесят и жизнь практически уже прошла? А он не посадил дерево, не построил дом, нет и сына... Но его мысли были о другом: скоро идти на работу в ресторан, будет снимать и надевать плащи и пальто, собирать рубли и бумажные десятки... И в этом был для него какой-то интерес – один вечер не походил на другой.

Внизу к подъезду подкатило такси, обходя лужи к нему двинулась Ева Сидоровна. Проводил машину взглядом и, почему-то, пробормотал под нос:

– Жапан... Не жисть настала, а сплошной универмаг...

7

В своей комнате Клео танцевала. Орал плеер во всю глотку, что-то пела, импровизировала – набор английских слов из разных песен. Потом приглушила музыку, скинула кофточку, махнула и громко сказала-объявила:

– Выступает народная артистка! Звезда нашей эстрады! Клео! Аплодисменты! Аплодисменты! – захлопала ладошками, закланялась, протянула руки, вроде бы получая букеты цветов. Вытерла пот со лба и добавила: – Прикольно! Полный отпад! Так и будет, добьюсь всё равно!

Включила было плеер, собралась снова петь и прыгать, но услышала стук в дверь, и выключила. Надела кофточку, рукой пригладила волосы.

– Ещё один женишок явился! Доцент! – и крикнула: – Эй, кто там, заходи, не боись! Тут не кусаются!

Дверь медленно приоткрылась и в комнату заглянула голова в круглых больших очках. Они сидели на достаточно большом носу, цеплялись за тоже немаленькие уши от которых спускались короткие, светловатые волосы, внизу сходились в тоже коротенькую и реденькую бородку. Голова внимательно глядела на Клео, а она на неё. «Если бы не очки, точно козёл!» – подумала хотела засмеяться, но сдержалась и командовала:

– Чё встал, как пень? Пришёл, так залазь!

Дверь открылась и обладатель больших очков, таких же носа и ушей, а также маленькой бородёнки, появился в комнате. В одной руке он держал огромный, как чемодан, портфель чёрной кожи, с блестящими медными замками, в другой – неказистый бледный букетик цветов непонятного происхождения. Это, конечно, прибыл посланный Маргошей новый жених.

По Сократов не был доцентом, а простым преподавателем, даже не старшим, в местном пединституте. О таком заветном звании только мечтал, ведь оно сулило ему солидную прибавку к зарплате. Однако кандидатскую диссертацию писал уже десять лет и никак не мог закончить, а без ученого звания доцентом не стать. На кафедре славился как специалист по заварке чая, но сам его не пил, предпочитал коньяк. А если того не было, то любой спиртосодержащий напиток.

Когда-то недолгое время был женат, потом развёлся, состоял даже в краткосрочной любовно-сексуальной связи с Маргошей, жил с матерью и хотел бы жениться...

– Кто такой? – хулиганисто спросила Клео, хотя с первого взгляда всё поняла про несколько неожиданного гостя. Тот смотрел на неё растеряно, не ожидал такой встречи, пожевал губами, облизнулся – язык был бледно-розовым и длинным, – не удержалась и засмеялась.

– Чё ты мне язычек показываешь? Давай, рожай!

Человек с портфелем малость пришёл в себя и произнёс совсем тихо, под нос.

– Позвольте представиться – Сократов, доцент, меня Маргоша послала...

– Это я усекла, дальше чё?

– Роберт, в смысле-Робик... Позвольте преподнести вам цветы...

Он подал ей букетик, Клео нюхнула разок, сморщила нос.

– Керосином пахнет..., – небрежно кинула цветы на стол, – А я Клео, в смысле Клеопатра.

Была такая клёвая царица, может, знаешь?

Сократов заморгал, задумался – пытался вспомнить.

– Имя знакомое вроде, но не встречал...

Громко засмеялась, да так, что слезы выступили на глазах.

– Ой, не могу! Уписаюсь сейчас! Её не встречал! Да она померла сто тысяч лет назад!

Посетитель глядел удивлённо и не нашёл ничего лучшего, как сказать:

– Цены на рынке на цветочки – с ума сойти...

Неизвестно, чем кончилась бы эта содержательная беседа, скорее всего Клео бестрепетно послала бы его по одному, всем известному, адресу, но...

8

Но тут раздалась негромкая печальная мелодия дудки и Сократов оживился.

– У вас музицируют! Прелестно! Что за инструмент?

Она вдруг немного пожалела этого недотёпу и решила не выгонять, пусть живёт.

– Папан на своей дудке дудит, как говорит маман – дурью мается, а мне нравится.

– Дудка! Народный инструмент! Фольклор! Очень мелодично! – уже достаточно громко произнёс гость.

Клео встала, открыла дверь.

– Папан! Гуляй сюда! Тут твою дудку хвалят!

Типкин вошел, конечно, не стал переодеваться, а был всё в той же пижаме и сказал весело:

– Спасибо! Гранд мерси! – научился от посетителей ресторана, – а вы кто? Жених, али как?

Клео продолжала веселиться.

– Он самый! Типа Роберт! В смысле – доцент! Большой учёный!

Сократов чуть нахмурился, почувствовал насмешку. Вообще-то был человеком необидчивым и на многое не обращал внимания, но сейчас...

– Прошу прощения, прелестная хозяйка этого дома, – он даже повысил голос: – Во-первых, не доцент, а доцент. И Роберт, а Роберт.

– Не один хрен! – не унималась Клео, Типкин строго поглядел на неё, всё-таки гость, и учёный. А науку Рауль Лукич уважал со страшной силой, и если по ящику шли какие-то похожие передачи, старался их посмотреть, выдерживая бои с Евой Сидоровной.

– Замолкни сей момент и не возникай! – приказал дочери и обратился к Сократову: – Садитесь, имею к вам, как к представителю нашей науки, ряд животрепещущих вопросов.

Клео фыркнула достаточно громко, даже не пытаясь сдержаться.

– Каких вопросов? Прыгают они, чё ли? Уписаться можно!

Отец только головой покачал.

– Не хулигань, очень тебя прошу.

Но та и не думала останавливаться, очень ей понравился этот придурковатый доцент, с ним было весело. А веселиться она любила больше всего. И крикнула:

– Эй, ты, жених! Пошли танцевать!

Сократов не понял, молча глядел на неё. А Клео продолжала:

– Если ты мой жених, то должен классно плясать! Иначе – гуляй отсюда! Идёшь или нет?

Кандидат в женихи поднялся, спросил немного испуганно и тихо:

– Вальс, да?

– Какой тебе, нахрен, вальс? Самый модный прыг-стоп! Тут главное, ноги выше подними! И прыгай, будте тебе керосином зад смочили!

Включила на плеере какую-то дикую музыку и запрыгала, вскидывая ноги выше головы. Сократов тоже попытался прыгать, чуть не упал на пол, но удачно встал на четвереньки.

Тут Типкин опомнился, вскочил со стула и наотмашь шлёпнул хулиганку по заду, да так, что только зазвенело. Попочка у нее была будь здоров! И скорее поднял гостя, помог ему сесть на стул.

Клео ничуть не обиделась, продолжала смеяться, даже упала в кресло, задрала ножки и дрыгала-махала ими. Отец погрозил кулаком, в ответ засмеялась ещё громче, он согнал улыбку с лица и произнёс серьезно:

– Продолжим наш научный разговор...

Сократов с готовностью согласился.

– Да! Вернёмся к нашим баранам!

– К каким баранам? Где они? – удивился Типкин и оглянулся.

Клео словно ветром вынесло из кресла, подскочила – заглянула под него, потом под стол и заверещала!

– Бе-бе-бе..., Нету их! Это мы бараны!

– Сядь и не мешай нашему научному разговору! – закричал на неё отец. И продолжал, обращаясь к Сократову: – Как вы понимаете эти «чёрные дыры» в небе? Читал о них в газетке, не оттуда ли валится на нас летающие тарелки и другая посуда?

Доцент сделал умное лицо, нахмурился, ответил негромко, со значением:

– Именно так, оттуда. Но, может, и нет. У меня другой профиль научной деятельности, мой конь – климат.

Типкин мало чего понял, кроме того, что у собеседника есть лошадь. И живо поинтересовался:

– Конь – это хорошо. А какой породы? Как зовут?

Притихшая было Клео снова оживилась.

– Папан! Не догоняешь! Это не конь – он предсказывает погоду!

Сократов погрозил ей пальцем.

– Так рассуждают дилетанты. Не предсказываю, а прогнозирую. Предсказывают цыганки, а я ученый, почти кандидат наук!

Рауль Лукич слушал его, моргал, а потом спросил серьёзно:

– Мне вот что интересно – по радио гуторят «без осадков», а на улице дождь хлещет. Это вы нарочно? Для смеха?

Жених-доцент внимательно глядел то на него, то на Клео, не знал, как ответить, потом всё же родил:

– Глобально! Только глобально! Я исследую климат прошлого и будущего. Могу точно сказать, какая погода будет через тысячу лет.

– А завтра? – спросила Клео, сделав серьёзное лицо.

Сократов встал, поднял правую руку и торжественно, профессорско-лекторским голосом начал вещать:

– Глобально! Только глобально! Генезис этой проблемы уходит в далёкое прошлое. Климат нашего родного дома – планеты Земля раньше был другим...

Тут Типкин перебил:

– Верно! Прежде овощ духовитей рос!

Клео, конечно, тоже не отстала.

– Вода мокрее была! И девки моложе!

Доцент-лектор строго глянул ш них, но отвлекаться не стал.

– Наша голубая прекрасная планета летит ледниковый период! Неизбежно похолодание! Лёд! Лёд кругом! На льду люди! Голые! Мёрзнут! – вдруг снял пиджак, взмахнул им.

– Обалдеть! Я уже замерзла! – Клео вскочила вырвала пиджак, накинула на плечи. Сократов сразу отобрал надел и продолжал:

– Об этом я и пишу в своей диссертации, – быстро открыл портфель, достал толстенную папку, прочёл название на ней: – «Влияние жёсткокрылых, в скобках жуков, на вероятности трансформации климата» Вот! Это будет эпохальная работа! Все вздрогнут, кто, конечно, поймёт.

Типкин слушал приоткрыв рот, потом сказал серьёзно:

– Да, наука это наука, это тебе не хвост собачий.

9

Явно одобренный этим ценным замечанием, доцент развязал тесёмки папки, достал из нее не бумаги, а плоскую фляжку. Спросил уже нормальным, заинтересованным голосом?

– Стакана есть?

Клео, с огромным интересом следящая за такими многообещающими действиями, сразу вскочила.

– Всегда пожалуйста! – и выбежала в кухню. А Рауль Лукич продолжал научную тему.

– Верно! Надясь какая зима была – сопли к носу примерзали...

Но Сократов уже потерял интерес к разговору о климате, умело и быстро откручивал пробку. Тут и Клео вернулась с тремя большими гранёными стаканами, он ловко разлил по ним коричневую жидкость – в два побольше, в один меньше, – и произнёс со значением.

– Коньяк!

Рауль Лукич и доцент взяли стаканы, в которых коньяка было побольше, но Клео не потерялась – забрала фляжку и долила в свой.

– За науку! Наука – двигатель прогресса! – торжественно произнёс Сократов и одним глотком осушил стакан. Типкин тоже выпил всё сразу, а Клео сначала понюхала, потом чихнула и отпила меньше половины, Рауль Лукич понюхал рукав пижамы и спросил:

– Чё-то малость не усёк – когда на нас эти ледники двинутся? Когда и куда нам бежать-спасаться?

Доцент ПРИСТАЛЬНО смотрел на него каким-то остановившимся взглядом – коньяк подействовал сразу, – но ответил чётко:

– Скоро! Через сто мильёнов лет!

Типкин тоже быстро захмелел, сказал громко и грубо:

Да подь ты нахрен со своей наукой! Сто мильёнов! Пушай двигаются!

– Пушай! – согласился Сократов, встряхнул почти пустую фляжку. – А пиво есть?

Рауль Лукич опустил руку, пошарил под столом, там была заначка, Несколько бутылок пивка. Достал одну и открыл. Клео удивлённо спросила:

– Зачем пиво, если, как бы, есть коньячок?

Доцент снова поболтал фляжкой, приложил её к уху и улыбнулся.

– Молчи, девка! Чё бы ты понимала! Я изобрёл новый коктейль – называется ёж! Коньяк пополам с пивом!

Типкин сразу возразил.

– Не ёж, а ерш!

Сократов разлил остатки коньяка в свой и его стаканы, – Клео сразу отодвинула свой подальше, – поднял палец и произнёс торжественно:

– Ёрш – это с водкой, а у меня – пиво с коньяком! Новация! Патент получу, озолочусь! Давай, вздрогнем!

Она подвинула к нему стакан, всё-таки заинтересовалась.

– Жадно, плесни и мне, попробую.

Ни слова не сказав, доцент капнул туда пива, скорее, взял свой стакан и заглотнул залпом. Выпил и сидел закрыв глаза. Рауль Лукич выпил медленно, осторожно, покрутил головой.

– Силён твой ёж! Дерёт всюю! До самых пяток!

А Клео только попробовала и сразу оттолкнула стакан, чуть не пролила.

– Отрава! Какая гадость, уписаюсь даже!

Не открывая глаз, Сократов с ловкостью фокусника, протянул руку и безошибочно схватил её стакан, как акула карася, мигом проглотил даже крякнул:

– Ух! Хорошо! – и только тогда открыл глаза, сказал: Клео – А тебе шиш! С морковкой!

Она, конечно, в долгу не осталась.

– А тебе два! С хреном и горчицей! – и вдруг посерьёзнала, словно прислушивалась к тому, что происходит у неё в желудке, сорвалась с места и выскочила из комнаты.

Её исчезновения никто не заметил. Доцент грустно глядел на пустые фляжку и бутылку, а Типкин сосредоточенно думал о чём-то, а потом вдруг громко произнес:

– А вот, к примеру, если взять волка...

Сократов ничуть не удивился такому повороту научного разговора – с проблем погоды и климата на зверя-хищника.

– Волка? Давай возьмем волка... А коньяк у тебя есть?

Рауль Лукич с некоторым удивлением глядел на этого незнакомого человека, вдруг оказавшегося в его квартире. Но, всё же, ответил:

– Коньяк... Должен быть... Идём в кухню.

Прихватив с собой пустые стаканы новые друзья направились в кухню. Там Типкин открыл шкафчик и обнаружил бутылку с остатками коньяка.

– Есть! Давай глотнём за волка!

– Давай! – Сократов разлил коньяк по стаканам, углядел и достал из шкафчика ещё бутылку пива, долил их доверху. Они выпили, дружно понюхали рукава, и Рауль Лукич погрозиł доценту пальцем, спросил многозначительно:

– Ты... Ты большой учёный, ответь мне на один научный вопрос...

Вместо ответа тот вдруг хрипло и громко запел:

А я простой советский заключённый,

И мне товарищ серый брянский волк...

Типкин рассердился.

– Замолкни сей момент, а то в шею! Я политики не касаюсь! У меня вопрос про животного! Вот с такими зубами! – раздвинул руки широко. – Можно волка разводить в клетке?

Коктейль – ёж сделал своё чёрное дело, Сократов уже ничего не понимал, но охотно подтвердил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.